

ББК 80/83
УДК 821.161.1

И. Г. Кульсарина¹,
Башкирский государственный университет
kulsarina-bgu@yandex.ru

РЕЦЕПЦИЯ МУСУЛЬМАНСКОЙ МЕНТАЛЬНОСТИ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ О БАШКОРТОСТАНЕ

В статье раскрывается специфика восприятия и художественного воссоздания башкирских этнокультурных традиций русскими писателями. Особое внимание уделено репрезентации башкирских национальных реалий и мусульманской ментальности в русской литературе XX века. Анализируется идейно-художественная значимость коранических образов и мотивов, элементов обрядово-этнографического комплекса, использованных авторами для раскрытия духовного мира башкирских героев и создания оригинальной поэтики и национального колорита в русскоязычных произведениях.

Ключевые слова: рецепция, башкирские этнокультурные традиции, русская литература XX века, мусульманская ментальность, поэтика

В истории русской литературы башкирская тема занимает особое место. Об этом свидетельствуют произведения русских авторов, включенные в антологию «Башкирия в русской литературе» и рельефно воссоздающие историю, культуру и быт народов башкирского края [1; 2; 3]. Однако приемы и принципы репрезентации башкирского мира в русской литературе XX–XXI веков недостаточно исследованы в литературоведении. Имеются лишь разделы в монографиях и книгах, посвященные раскрытию башкирской темы в творчестве отдельных авторов [8].

Как показывают наши наблюдения, большинство русских писателей при создании инонациональных образов обращают внимание на конфессиональные и этнокультурные традиции изображаемого народа. Рецепция мусульманской ментальности и религиозно-этнического опыта башкир реализуется в русскоязычном тексте с помощью показа основных канонов ислама. Например,

¹ Кульсарина Ирена Галинуровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и сопоставительной филологии, заместитель декана по учебной работе факультета башкирской филологии и журналистики, Башкирский государственный университет

в романе «Сказание о сотнике Тимофее Подурове» В. И. Пистоленко пишет: «Трудовой день у охотников начинался рано. Первым на стану поднимался Альметь, помолвившись на восток, принимался готовить завтрак» [3, 239]. Русский автор одной только фразой – «помолвившись на восток» – репрезентирует «мусульманство» в образе Альмета.

Глазами русских писателей передается и мусульманское богослужение, которое рельефно представлено в рассказе Г. К. Никифорова «Сын ахуна»: «Все подняли ладони перед лицом, как развернутую книгу чтец, губы зашептали молитву. «Аллах акбер!» – громко заключили слова молитвы старики, приложили ладони к глазам и поднялись» [2, 135]. В таком же ключе в поэме «Красный ветер веков» А. П. Филиппова воспроизводится образ мусульманской женщины, перебирающей по ночам сухими пальцами чётки и шептавшей молитву [10, 315]. В рассказе М. Я. Карпова «Под звездами полуночи» показаны некоторые условия чтения намаз-молитвы – ритуал соблюдения чистоты – омовение, подготовка места для совершения молитвы: «Душистым утром, холодной водой из кумгана мылся Файзулла. <...> А потом на зеленой лужайке растелил рваную баранью шкуру и молился: «О, алла иль алла, пошли удачный день, помоги корья надрать видимо-невидимо!» [5, 99–100].

Маркером этнического выступает и внешнее одеяние героев. Так, в рассказе Г. К. Никифорова «Сын ахуна» при описании ахуна Расюлева выделяется головной убор исламских служителей – чалма: «Опираясь на посох, идет ахун, и качается над плечами его широкий круг чалмы» [2, 132]. Аналогичное явление встречается в романе А. В. Кожевникова «На Великой летной тропе»: «На минарет поднялся муэдзин: он будет кричать азан. Далеко видна его белая чалма и яркий халат» [2, 80]. В рассказе А. Г. Туркина «Ибрагим» во внешности муллы также выделяется белая чалма, а также от него «пахло тонким, пряным ароматом мускуса» [1, 367]. В другом своем рассказе «Грех» А. Г. Туркин, повествуя о роли религиозных служителей в жизни дореволюционных башкир, особо выделяет факт пребывания муллы Салимова в Мекке, в городе паломничества для мусульман: «Он, высокий и седой, с молодыми бархатными бровями, важно и медленно, глядя в землю, идет по улицам, сверкая белоснежной чалмой... Идет и четко ударяет посохом о дорогу, тем самым, с которым три раза ходил в Мекку и которым часто бивал непослушных сынов священного Корана...» [1, 389]. По предписанию Корана, совершивший хадж-паломничество на родину пророка Магомета считался святым. Данное явление исламской культуры часто упоминается в русской литературе. Например, заглавного героя рассказа Н. А. Крашенинникова «Хазрет

Хайбулла» все почитают как святого из-за того, что он побывал в Мекке. В романе С. П. Злобина «Салават Юлаев» также есть упоминания о стране, «где царит коран Магомета, где шариат – верховный судья ...» [4, 103]. В повести «Могусюмка и Гурьяныч» Н. П. Задорнова также подчеркивается факт пребывания муфтия в Мекке.

На страницах произведений русских авторов даны интересные сведения об обычаях и праздниках, предписанных исламом. Так, мулла Сакья в историческом романе С. П. Злобина «Салават Юлаев» не считает сабантуй праздником, а признает только праздник Ураза-байрам, отмечаемый в честь окончания поста в месяц Рамадан, и пятницу, блаженный и самый лучший день недели для мусульманина [4, 46].

Отрывки и фразы из «Корана», внедренные в речь персонажей, помогают авторам рельефнее показать характеры национальных героев. Например, в романе С. П. Злобина, повествующем о событиях Крестьянского восстания 1773–1775 годов, заглавный герой так обращается к Емельяну Пугачеву: «Я Коран знаю. Пророк говорил такое слово: “Когда тебя три раза обманул супостат, ухо свое пальцем заткни на его доброе слово – аллах так велит...”» [4, 342]. В повести Н. П. Задорнова «Могусюмка и Гурьяныч» Рахим, пожелав предотвратить выступление башкир совместно с русскими против социального гнёта, говорит: «В коране сказано: «Не заметил ли тех, которым было глаголено: воздержите руки ваши от войны, будьте постоянны в молитвах и раздавайте законные милостыни?»» [3, 220].

В творчестве русских писателей мусульманское в некоторых случаях дается в сравнительно-сопоставительном аспекте с христианским. Например, в повести Н. П. Задорнова «Могусюмка и Гурьяныч», повествующей о дружбе двух народных бунтарей – башкира и русского, автор акцентирует внимание читателя не только на общности судеб героев, но и на схожести их отношения к религии. При этом упоминаются праздники Ураза и Пасха, связанные с окончанием поста: «Нынче ураза – мусульманский пост – пришелся на весеннюю пору. ... Могусюмка пост плохо соблюдает. ... У Гурьяна пасха прошла, но он не постился и на страстной неделе не ходил в церковь, хотя помнил про пост и праздник» [3, 194].

В литературе своеобразно интерпретируется пятая сура Корана, запрещающая правоверным употреблять в пищу свинину. Так, в рассказе Г. И. Кацерики «Медведи и свиньи» есть такие размышления автора: «Между прочим, башкиры, прирожденные скотоводы, свиней, однако, недолюбливают. Мы, русские, к примеру, не жалуем конину, а они – свинину» [6, 173]. Основной конфликт сказа П. П. Бажова «Демидовские кафтаны» связан со строительством завода

на башкирских землях. Демидову, пообещавшему башкирам на каждый праздник привести мяса, подручный подсказал злую затею: преподнести им в качестве гостинцев свинину. Обнаружив в котле туши неположенного по исламским канонам мяса, старики стали возмущаться: «Ай-яй. Дунгыз ите наш закон ашать не велит. Ошибку Демид давал. Ай-яй-яй!» [2, 409]. Несмотря на жестокие угрозы со стороны демидовских слуг, башкиры не нарушили предписания Корана. Тогда подручный велел куски свинины выбросить в озеро. Увидев окровавленный водоем, башкиры в своём сердце затаили месть. Озеро, в котором впоследствии нашли демидовского подручного мертвым с содранной кожей, стали в народе называть Иткулем.

В сюжетосложении многих рассказов о дореволюционной Башкирии использован мусульманский обычай выкупа невесты. О роли калыма в судьбе башкирской женщины повествуют рассказы «Хазрет Хайбулла», «Свадьба Сафея» Н. А. Крашенинникова, «Ибрагим», «Десятина» А. Г. Туркина, «Жена Ахмета» П. П. Инфантьева и т.д. В восприятии русских авторов переданы элементы семейно-бытовых обрядов, среди которых наиболее подробно описаны никах – обычай бракосочетания, родильные и похоронные ритуалы. Так, в рассказе «Свадьба Сафея» Н. А. Крашенинникова есть эпизоды чтения муллой молитвы, закрепляющей союз молодоженов, получение подтверждения согласия невесты, установление размера калыма. В рассказе Н. А. Степного «Кашкыр» воспроизводятся ритуалы, существовавшие в прошлом у восточных башкир: во время трудных родов изгоняют шайтана из помещения, в котором находилась роженица, звуками стреляющего ружья и т.д. Элементы похоронного обряда башкир художественно воссозданы в произведениях П. П. Инфантьева «Жена Ахмета», П. И. Добротворского «Смерть Хаджи Ишана».

Коранические образы и мотивы мастерски использованы русскими авторами и в создании поэтики произведений. Удачно внедряется конфессиональная лексика в сравнительные, метафорические и перифрастические конструкции. Например, в стихотворении А. П. Филиппова «Утро в ауле» есть строки: «Суру тихий клён читает» (сура – глава «Корана»); «Положил литые локти / На старинный минарет / Полумесяц, полулумтик, / Отливая лунный свет» (минарет – башня мечети, в которой имеется знак в форме полумесяца), «А пастух за стадом едет / По околице села / На своем велосипеде / Восседает, как мулла» [10, 114]. В стихотворении Р. В. Паля «Дети века» читаем: «О дискотека, ты – как Мекка / Для тех, кому до двадцати» [9, 213]. Философской глубиной

отличаются его строки в стихотворении «Волшебный край»: «Карьера, власть... Оставь заботы эти / Стряхни их с плеч, как тяжкие тюки, – / Так у порога старенькой мечети / Снимают мусульмане башмаки» [9, 7]. В очерке И. Г. Эренбурга «Башкиры» также образно использовано имя ангела смерти в исламе Азраила: «Кто мужчина, тот не боится ран, тот не боится и меча Азраила» [3, 34].

Зримее представить русскому читателю инокультурный мир помогают картины этнографического быта башкир. «Башкирское» в произведениях русских авторов чаще всего репрезентируется такими этнокультурными реалиями, как национальные блюда (кумыс, бишбармак, кыстыбый, чак-чак, крут), музыкальные инструменты (курай, кубыз), одежда (чапан, жилин, чалма, кашмау) и т.д. Нередко к ним даются подробные комментарии или в самом тексте, или в сносках. Например, так описывает бишбармак Н. А. Крашенинников: «Перед наиболее чтимыми гостями задымился жирный бишбармак – башкирское блюдо несложного приготовления, состоящее из квадратных кусочков теста и разрезанной на куски баранины. Бишбармак – значит «пять пальцев» и называется так потому, что едят его всей пятерней» [7, 193]. Русские авторы обращают внимание читателей и на такую сторону национального характера башкир, как гостеприимство. О башкирском чаепитии писали многие авторы. Как отмечает Н. А. Крашенинников: «Чай и сахар для башкира – самое дорогое на свете. Пьют они чаю невероятное количество, поглощая кипятком совершенно непонятным для русского образом...» [3, 117]. Поэтически высказался о башкирском гостеприимстве А. П. Филиппов: «На праздник хозяйка хлопочет, / Печет кыстыбый и блины. / ... Чайком побалуешься вдосталь, / А там подospel бишбармак» [10, 104]. В романе «Сказание о сотнике Тимофее Подурове» В. И. Пистоленко Альметь угощает русского знакомого кумысом: «Вот тебе кумыс, – сказал он, протягивая деревянный ковшик, наполненный белой жидкостью. – Голодному человеку кумыс первое дело. Пей. <...> Это крут. Крут из молока, из творога сделан» [3, 240]. Если в произведениях, посвященных дореволюционной жизни башкир, часто встречаются такие маркеры материальной культуры народа как «кош» (летнее жилище башкир), минарет (высокая башня при мечети, с которой муэдзин призывает верующих на молитву), то в описании современной жизни башкир ключевыми становятся понятия «курай», «кумыс», «бишбармак».

Таким образом, творческое обращение к этнокультурным традициям башкирского народа помогло русским писателям рельефно представить мусульманскую ментальность героев и художественно достоверно воспроизвести историческое прошлое и настоящее башкирского края.

Литература

1. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Сост., предисл., биогр. справки, коммент. и библиография М. Г. Рахимкулова. – Т. 3. – Уфа: Китап, 1993. – 512 с.
2. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Сост., предисл., биогр. справки, коммент. и библиография М. Г. Рахимкулова и С. Г. Сафуанова. – Т. 4. – Уфа: Китап, 1997. – 560 с.
3. Башкирия в русской литературе: в 6 т. Сост., предисл., биогр. справки, коммент. и библиография М. Г. Рахимкулова и С. Г. Сафуанова. – Т. 5. – Уфа: Китап, 2001. – 614 с.
4. Злобин, С. П. Салават Юлаев. Исторический роман / С. П. Злобин. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1982. – 432 с.
5. Карпов, М. Я. Под звездами полуночи / М. Я. Карпов // Башкирия в русской литературе: в 5 т. Биографические справки, комментарии и библиография М. Г. Рахимкулова. – Т. 4. – Уфа: Башкирское книжное издательство, 1966. – С. 98–100.
6. Кацерик, Г. И. Старая борть: повести и рассказы, очерки / Г. И. Кацерик. – Уфа: Китап, 2009. – 288 с.
7. Крашенинников, Н. А. Свадьба Сафья / Н. А. Крашенинников // Амеля. Роман и рассказы. – М., 1981. – 256 с.
8. Кульсарина, И. Г. Мотивы и образы башкирского фольклора в русской литературе XX века / И. Г. Кульсарина. Монография. – Уфа: Гилем, 2007. – 136 с.
9. Паль, Р. В. Книга судьбы. Лирика / Р. В. Паль. – Уфа: Китап, 1999. – 352 с.
10. Филиппов, А. П. Избранное: в 2 т. / А. П. Филиппов. – Т. 2. – Уфа: Китап, 2007. – 440 с.

RECEPTION THE MUSLIM MENTALITY IN RUSSIAN LITERATURE OF BASHKORTOSTAN

I. G. Kulsarina

Abstract

The specifics of perception and art reconstruction of the Bashkir ethno-cultural traditions by the Russian writers are presented in article. Special attention is paid to the representation of the Bashkir national realities and the Muslim mentality in the Russian literature of the XX century. The ideological and artistic significance of Quranic images and motifs, elements of ritual and ethnographic complex used by the authors to reveal the inner world of the Bashkir heroes and create an original poetics and a national identity in Russian language works is analyzed.

Key words: reception, Bashkir ethno-cultural traditions, Russian literature of the twentieth century, the Muslim mentality, poetics